

Неожиданная забота Тан Шаотана застала всегда невозмутимого А Цзю врасплох, да и ответить на вопрос он толком не мог. Ведь не станет же он жаловаться напрямую, что ранен из-за учителя, что сейчас перед ним?

Слишком мелко вышло бы, да ещё и жеманно.

Поэтому он уклонился от ответа, обратившись к тётушке Чань.

Увы, настроение у тётушки Чань было не из лучших, и идти на мировую она не собиралась.

— Господин, слышали ли вы, что самые ценные сокровища всегда сокрыты под землёй, недоступные взору? Лишь спустя века, когда их извлекут из истлевших останков, они становятся бесценными.

Исходя из интересов Павильона Радужных Одежд, куда выгоднее было бы доставить А Цзю, Призрачного Дьявола, живым для допроса. Но сейчас она скорее предпочла бы видеть его тихим мёртвым телом, чем живым и деятельным союзником.

А Цзю искренне не понимал:

— Вы всё ещё хотите меня убить? Почему?

Это уже было неожиданно.

Его план состоял в том, чтобы сначала повести игру на отказ, поупираться для вида, а затем сделать вид, что нехотя соглашается вернуться с Тан Шаотаном и остальными в Павильон Радужных Одежд. Он даже был готов «проиграть» или «получить ранение». Ведь статус Призрачного Дьявола куда выше, чем у какого-то беглого ничтожества из Павильона Ушоу, — за доверие нужно платить соответствующую цену. Но за большей опасностью следовала и большая награда.

Как же вышло, что тётушка Чань осталась непреклонна, желая лишь его смерти?

Он не мог понять, на каком этапе план дал сбой.

Неужели он ей настолько противен, что она готова убить его сию же секунду, отказавшись от всех будущих выгод?

А Цзю с этим не смирился и собирался хорошенько объяснить тётушке Чань все «за» и «против».

Но слова застряли у него в горле, когда луч света метнулся вниз. А Цзю прищурился и отступил на шаг. Взгляды всех присутствующих устремились к цветочной шпильке, что с небес вонзилась у его ног.

Шпилька, брошенная с внутренней силой, вошла в землю на добрых полдюйма, а её навершие ещё долго дрожало, издавая лёгкое жужжание.

А Цзю пошутил:

— Кто это метнул снаряд с такой скверной точностью?

Он огляделся и увидел, что все из Павильона Радужных Одежд побледнели.

А Цзю: «?»»

Тан Шаотан, стоявший ближе всех, наклонился, поднял шпильку и почтительно передал своей наставнице. Тётушка Чань приняла её, отогнула нефритовый цветок с бахромой в виде струящихся нитей и с серьёзным видом развернула тонкий шёлк, обёрнутый вокруг стержня.

Она бегло пробежалась глазами по тексту и холодно провозгласила:

— По велению госпожи главы павильона.

Эти слова, словно древнее заклятие, сорвавшее печать, заставили всех присутствующих из Павильона Радужных Одежд одновременно опуститься на колени, склонив головы в поклоне.

Но следующие слова тётушки Чань были обращены не к ним, а к единственному постороннему — А Цзю.

— Господин, ваша особа слишком ценна, и вы можете стать мишенью для недоброжелателей. Не лучше ли вам отправиться с нами?

Под «недоброжелателями» тётушка Чань подразумевала именно людей из Павильона Ушоу. Раз уж тот приложил столько усилий, чтобы скрыть от мира само существование Призрачного Дьявола, вряд ли он теперь обрадуется, увидев его снова свободно разгуливающим по реке и озёрам.

Тётушка Чань отложила убийственные намерения и, смягчив тон, пообещала А Цзю:

— Павильон Радужных Одежд гарантирует вам безопасность и окажет самый радушный приём.

А Цзю, размышляя о мгновенной перемене в отношении тётушки Чань, нахмурился и стал отнекиваться, весьма нарочито размахивая руками:

— Нет, ни за что! Я наконец-то сбежал из этого проклятого Павильона Ушоу, куда угодно готов податься, только не в другое гиблое место!

Его целью как раз и было попасть в Павильон Радужных Одежд с проводником. Но непрошенный гость — всегда обуза, а вот насильно приглашённый — уже почётный.

Тётушка Чань, действуя по приказу главы, перестала ходить вокруг да около и прямо изложила её волю.

— Господин, вы человек умный, не прикидывайтесь простачком и не заставляйте подавать вам «хмельное вино» после «почётного». Сейчас перед вами два пути. Первый: скрестить клинки с моим учеником Шаотаном. Либо вы убьёте его и уйдёте, либо он лишит вас внутренней силы и доставит в Павильон Радужных Одежд.

Этот вариант А Цзю не нравился, и он поспешно перебил:

— А второй?

Тётушка Чань с лёгкой улыбкой сомкнула губы — как и предвидела госпожа. Спокойно она ответила:

— Второй куда проще. Соблаговолите лишь сойтись с Шаотаном в питье — и, ежели одержите верх, будете свободны.

Тан Шаотан: «?»»

Всего-то выпить?

А Цзю:

— Питьё?

Вы хотите, чтобы я *пил* с кем-то?

А Цзю моргнул, затем скосил взгляд в сторону, где за многослойными крышами угадывался неясный женский силуэт.

— Даже госпожа глава Павильона Радужных Одежд почтила нас своим присутствием — и всё лишь для того, чтобы предложить мне выпить? Какая же честь.

Заставить Призрачного Дьявола пить? Видимо, глава Павильона Радужных Одежд и впрямь прекрасно осведомлена о делах Павильона Ушоу, раз знает, что вино для наших — чистейший яд. Особенно для тех, кто, подобно Призрачному Дьяволу или главе павильона, занимает высокое положение. Когда насекомые-гу в теле приходят в волнение, боль сравнима с тем, как белые муравьи точат сердце.

Заставить *меня* пить?

Да я же с ума сойду!

Тётушка Чань, подливая масла в огонь, попыталась взять его на слабо:

— Всего-то осушить чару в знак примирения. Неужели и на это не соблаговолите?

Она намеренно свела «соревнование в питье» к «чаре примирения», но говорила не для А Цзю.

— Или вы предпочтёте сразиться с моим учеником насмерть?

Эти слова были обращены к Тан Шаотану.

Тан Шаотан мигнул и невольно перевёл взгляд на свою холодную наставницу.

Он уловил скрытый смысл: она не хочет принуждать его к схватке с А Цзю.

Но в то же время ему стало слегка горько — он понимал, что его используют как разменную монету.

Монету для шантажа А Цзю.

Пока А Цзю колебался, Тан Шаотан украдкой взглянул на его лицо.

Ни радости, ни печали там разглядеть не удалось.

С лёгким удивлением он осознал, что А Цзю не так-то прост, каким кажется. Хотя тот часто выглядит живым, весёлым и беззаботным, стоит ему замолчать и погрузиться в раздумья — и взгляд его становится непроницаемым.

Вскоре на губах А Цзю вновь появилась лёгкая насмешливая улыбка. Он пожал плечами и

развёл руками:

— Раз уж ваша госпожа глава павильона проявила такое понимание и желает угостить меня вином, я должен оказать ей честь. Что там у нас — посоревноваться в питье? Что ж, соревнуемся.

Проиграть — вот что мне и нужно.

Он скосил взгляд на Тан Шаотана, раздумывая, каков же его предел. Хорошо бы узнать заранее... Иначе, если окажется, что тот не пьянеет, поражение будет не только унижительным, но и, вероятно, кровавым.

Обычные люди при этом извергают желудочный сок, а он...

Пожалуй, кровь.

Тётушка Чань:

— Кхм.

Её задел не скрытый восторг в глазах Тан Шаотана, и она слегка кашлянула, чтобы прервать его.

Скорее всего, он просто выбрал меньшее из двух зол, испугавшись смерти, а не потому что действительно выбрал тебя. Чему ты радуешься?

Как бы то ни было, согласие А Цю на состязание в питье соответствовало воле главы павильона, и тётушка Чань не могла открыто его упрекнуть. Последовав полученным указаниям, она удалилась, оставив наблюдать за поединком надёжную служанку.

...

Если раньше они шли под звёздами и луной, то после всех этих перипетий до рассвета оставалось уже недолго.

В такой час все винные лавки в уезде уже закрылись. Где же раздобыть вина?

Служанка Би Цин и впрямь оказалась надёжной и расторопной. Поняв, что оба её подопечных — не самые разговорчивые и сговорчивые, она сама взяла на себя нелёгкую задачу: стучаться в закрытые двери, тревожить хозяев и выпрашивать вино в уже запертых лавках и постоянных дворах.

Би Цин служила в Павильоне Радужных Одежд уже немало лет и была на целое поколение старше Тан Шаотана. Она повидала многих в павильоне и стала свидетельницей немало числа событий. Ещё совсем ребёнком она ходила с тётушкой Чань взглянуть на Тан Шаотана в пелёнках — тогда он был розовощёким карапузом, то и дело хныкавшим или смеявшимся, очень милым. Позже её отправили с заданием, и их пути разошлись. Кто бы мог подумать, что при новой встрече он предстанет перед ней холодным, без улыбки и слёз, прекрасным, но отстранённым.

Она отлично помнила, как долго смеялась, впервые услышав о «Вопрошающем об именах».

Как может человек, взращённый самой тётушкой Чань, быть столь негибким и простодушным? Но когда ей довелось увидеть его воочию, она поняла, что слухи — ничто

перед реальностью, и ощутила одновременно сожаление и ужас.

В Тан Шаотане чувствовалась странная двойственность — не врождённая, а словно насильно впечатанная в него чужой волей.

Он отчётливо обладал чувствами, был умен и проницателен. И в то же время казался холодным, равнодушным и непроницаемым.

<http://bllate.org/book/16258/1462911>